

Г.В. Судаков

Вологодский государственный университет

ПОЧЕМУ Ф.И. БУСЛАЕВ НЕ ЛЕКСИКОЛОГ?

В статье рассматривается концепция слова, которую развивал академик Ф.И. Буслаев. В ней оцениваются работы ученого по лексической стилистике, исторической лексикологии и этимологии. Автор показывает соотношение синтаксиса, морфологии и лексики в буслаевской теории языка, где главное место отведено предложению, а слово представлено как существенный элемент предложения, и значение слова зависит от места в предложении и в целом от контекста. Учтены семантические закономерности развития слова, впервые обнаруженные ученым и получившие продолжение в работах его последователей.

Теория языка, уровни языка, многоаспектный анализ слова, семантическая структура слова, лексика как система.

Научный талант Ф.И. Буслаева многогранен: он начинал как методист (двухтомная книга «О преподавании отечественного языка», 1844), продолжил как славист, историк русского языка и грамматист («Историческая грамматика русского языка», 1863, выросла из учебного пособия «Опыт исторической грамматики русского языка», 1858, в 1959 г. вышло ее шестое издание), блистательно завершал многочисленными трудами по русской литературе, фольклору, мифологии и иконографии. Некоторые современники называли его вторым Ломоносовым в области словесности [14, с. 89]. Любопытно: за какую бы отрасль филологии не брался Ф.И. Буслаев, он начинал или заканчивал учебником. Особенно известен его «Учебник русской грамматики, сближенной с церковнославянской» (1869, выдержал 5 изданий в XIX веке, а последнее, 11-е издание вышло в 1911 г.). Здесь изложены в популярном виде основные грамматические идеи ученого.

Что интересно: Ф.И. Буслаева называют историком языка, диалектологом, синтаксистом и грамматистом, стилистом и ритором. Различные научные ипостаси академика перечисляются на шестнадцати страницах энциклопедии «Русский язык» [13, с. 94, 110, 176, 278, 309, 319, 368, 372, 430–432, 472, 487, 541, 619, 630]. Он первый обратил внимание на русские говоры и указывал на твердые законы, на которых основываются диалектные особенности. Он первым стал вести вузовские учебные курсы «Сравнительная грамматика индоевропейского языка» и «Историческая грамматика русского языка». Кроме того, он – признанный искусствовед (в 1888 г. Московский университет присудил ему ученую степень доктора теории и истории искусств) [1, с. 48].

Однако его не называют лексикологом и не пытаются в его трудах отыскать лексикологические замечания. Исключение, пожалуй, составляют беглые замечания читателей его методико-лингвистических «штудий» в учебнике «О преподавании отечественно-

го языка», которые отмечали, например, что «в отделе, названном стилистикой, Буслаев знакомит нас с лексическим (здесь и далее курсив наш. – Г. С.) составом русского языка...» [16, с. 10]. Такая ремарка была необычна для его времени. Позднейший биограф Ф.И. Буслаева С.В. Смирнов писал, что «вторая часть книги («Материалы») содержит исследования по грамматике, стилистике и лексикологии...» [15, с. 15].

Причин тому несколько. Во-первых, во времена филологической деятельности Ф.И. Буслаева лексикологию как раздел языкознания еще не выделяли. Правда, была этимология – наука о происхождении слов, очень близкая к исторической лексикологии (но и здесь в русской традиции наблюдалась терминологическая путаница: *этимологией* Ф.И. Буслаев называл современную морфологию). Любое изменение слова (фонетическое, изменение формы, словообразовательные варианты) было в сфере ведения этимологии, см. оглавление [2, с. 620].

Во-вторых, очень рано, еще в донациональный период, была осознана необходимость лексикографии: словари-азбучники использовались для толкования иноязычных заимствований, поэтому словарное дело как прикладное и единственно полезное для практических нужд поддерживалось обществом и государством. Вспомним хотя бы фундаментальный «Лексикон российской исторической, географической, политической и гражданской» В.Н. Татищева, выпущенный в 1793 г. [6; 9] (рукопись была представлена в Академию наук еще в 1745 г.), подготовивший вместе с другими лексикографическими работами и, конечно же, «Словарем Академии Российской» почву для научного изучения семантических процессов русского языка. Но надо иметь в виду, что составление словарей потребовало и разработки учения о слове. Как видим, интерес Буслаева к этой области языкознания также подталкивал его к лексикологическим и семасиологическим штудиям.

В-третьих, и это была главная причина, почему биографы дистанцируют Ф.И. Буслаева от лексикологии: буслаевская концепция языка отводила слову подсобную по сравнению с предложением роль в речевой практике общества.

Начнем с этого последнего тезиса, имея в виду, что свой главный труд, посвященный современному для своего периода жизни русскому языку, Буслаев назвал «Историческая грамматика русского языка», что значило: «грамматика русского языка с историческими комментариями», причем она была не только исторической (что это значило, мы уже объяснили), но и функциональной: в разделе «Синтаксис» есть глава, где описываются значения частей речи, в том числе их стилистические и художественные свойства. В главе второй «Синтаксиса», посвященной синтаксическому употреблению частей речи, подробно рассматриваются выразительные возможности многих отдельных слов. Кроме того, под эту обложку поместилась и буслаевская концепция языка, и фонетика, и словообразование, и стилистика, и, как мы пытаемся доказать, лексикология. В действительности «Историческая грамматика русского языка» Ф.И. Буслаева – это великая книга, это энциклопедия знаний о русском языке середины XIX века.

Во введении к «Исторической грамматике» ученый пишет: «...из истории всякого языка убеждаемся, что первоначальная форма, в которой выразился дар слова, есть уже целое предложение..., ибо только в целом предложении мысль может быть выражена. ...только в предложении получают свое значение отдельные слова и их окончания и приставки ...каждое отдельное слово суть не что иное, как живые члены целого живого состава, именуемого предложением» [2, с. 21]. Умаление роли слова в речи до функции флексии и приставки – это явное преувеличение, но вполне оправданное для середины XIX века, потому что никто еще в ту пору не занимался ни статусом слова как такового, ни сравнением функций слова в предложении с ролью приставки и флексии в слове. Вообще вещи это несравнимые, а преувеличение – не научный метод. Что же касается роли предложения (контекста) для раскрытия значения многозначного слова, то здесь Буслаев прав: сочетаемость слова в контексте – надежный прием для выявления значений слова.

Введение ко второму разделу «Исторической грамматики» называется «Об отношении языка к мышлению». Здесь изложена лингвистическая концепция ученого. Вот каков статус слова в определении автора: «Все слова суть не что иное, как названия общих представлений или понятий, потому что одно и то же слово может выражать представление о различных предметах. Напр., слово *дом* означает не только то здание, где мы теперь находимся, но и бесчисленное множество всех прочих предметов, этим словом именуемых... Хотя все слова служат для выражения понятий, однако отличаются большею или меньшею отвлеченностью...» [2, с. 256].

Несколько раз в «Исторической грамматике» повторяется мысль о том, что «одно и то же слово в различные времена или по различным наречиям родного и того же языка имеет различные значения», то есть с позиций семасиологии Буслаев утверждает

идею сохранения единства и тождества слова, когда не только формальные признаки, но и устойчивость семантики позволяют оценивать слово как равное самому себе. Значит, историческое слово, например, в языке Московской Руси и сейчас – это разные слова, тем более они разные в древнерусском языке (едином языке восточнославянской народности) и в современном русском (языке русской нации). У них иные семантические связи не только контекстуальные (синтагматические), но и в группе себе близких по значению (парадигматические); см. посвященную этой проблеме статью В.В. Виноградова [3] и более позднюю работу В.Я. Дерягина [5].

Первый раздел «Исторической грамматики русского языка» называется «Этимология». Уже в первой главе данного раздела «Звуки и соответствующие им буквы» ученый говорит об исторических чередованиях звуков, о некоторых семантических различиях, вызванных историческими чередованиями, сравнивает однокоренные слова современного русского языка, учитывает исторические и диалектные факты.

Во второй главе «Образование слов» еще больше примеров использования такой методики для выявления семантических различий в словах языков русского и церковнославянского, современного и исторического, литературного и диалектного. В начале в соответствии со своей педагогической доктриной Ф.И. Буслаев пишет: «Уразумение настоящего смысла слов необходимо для того, чтобы пользоваться речениями родного языка сознательно. ...*столица* происходит от слова *столь*, означавшего в старину престол...; *прапорщикъ* от слова *прапоръ*, означавшего знамя. <...> Ближайшими источниками, откуда почерпается объяснение слов нынешнего общепотребительного языка, служат: 1) язык церковнославянский; 2) древнерусский и 3) современный русский, по местным его наречиям [2, с. 94]. Итак, для выявления семантики слова нужно проводить настоящее исследование, выбирая нужный материал и используя научные данные о причинах и содержании фонетических изменений, о наборе актуальных или архаичных словообразовательных моделей, о правилах сочетаемости слова с лексемами из других частей речи.

Ученый предупреждает исследователей: «...нынешний общепотребительный язык представляет совокупность речений, которых настоящий и полный смысл определяется только исторически... Собственное же значение и правильнейший вид слов определяются историею языка... Относительно значения слов древний и народный язык отличается: 1) ясностью в производстве слов от корней и в употреблении слов в их прямом значении (см. пример Ф.И. Буслаева: *дотла* от *до тла* “дно”. – Г. С.); 2) точностью, которая определяется ближайшим значением слова к его корню (см. пример Ф.И. Буслаева: *на-ук-а* от *-ук-* “на-вык”, ср. *уч-и-ть*, *при-вык-а-ть*. – Г. С.); 3) изобразительностью, по которой слова, ныне употребляемые только в отвлеченном или в нравственном смысле, первоначально имели и вещественное значение (пример: *по-н-я-ть* “уразуметь, усвоить”, а ранее вообще “брать”); 4) полнотою, расширяющую ныне принятое значение слова. Она объясняется тем, что говорившие живо чувствовали связь слова с его корнем... Так,

например, ныне употребляем слово *верста* только в значении известного расстояния; в старину оно имело смысл измерения вообще и потому применялось не только к пространству, но и ко времени, означая возраст, а также равенство вообще, пару, чету, двоих супругов» [2, с. 97]. Таким образом, Ф.И. Буслаев, говоря «об отношении ныне употребительного слова к его источникам», убедительно показывает значимость исторических сведений для выявления в полном объеме семантической структуры слова, установления иерархии его значений. Знание ретроспективы развития слова позволяло ученому видеть в его семантическом объеме то, что не замечали некоторые современники, а также и лингвисты новых веков, пытающиеся заменить исторические сведения о слове изучением его ассоциативных связей. Здесь же становится понятной и важность учета морфемного состава слова, а также всего набора производных лексем. В действительности параграф 45, из которого взята цитата, содержит лаконичную, но выразительно сформулированную программу анализа семантической структуры слова во всем объеме его значений, оттенков значений и особенностей употребления.

Буслаев обладал исключительным языковым чутьем, в частности вниманием к семантическим оттенкам слов. Говоря об особенностях образования глагольных лексем, он приводит объемные коллекции слов с аффиксом *-ну-* (типа *слепнуть, сохнуть, гложуть* и т.д.), большой список глаголов многократного действия (типа *давивал, купливал, клдывал*) и мгновенного действия (*глядь, хватъ, хлоп*), обращая внимание на особенности выражения глагольного действия. По сути, уже в середине XIX века, опередив свое время, Ф.И. Буслаев стал детально разбираться в лексико-грамматических разрядах глаголов, описание которых в современных грамматиках и учебниках составляет уже десятки страниц.

Исследователь внимателен не только к тематическим разрядам нарицательных существительных, но считает необходимым говорить о формах и значении имен собственных. Это касается неофициальных названий лиц с ласкательным и уничижительным значением: *Ванюша, Митюха* [2, с. 47] и слов, означающих отчество [2, с. 136]. Но с особым удовольствием и тщательностью описывает оттенки значений существительных «увеличительных и уменьшительных, ласкательных или смягчительных и уничижительных»: встречаются «суффиксы *-ыг-, -юг-(-юг-), -яг-(-аг-)* для означения унижения, иногда с оттенком жалости, снисхождения и даже ласки, напр. *тороп-ыг-а, пьянчуг-а, бедн-яг-а, звер-юг-а, дел-яг-а*», причем ученого интересуют и сферы употребления тех или иных существительных: «прежде *-уш-* чаще употреблялось и в книжном языке, а теперь выходит из обычая, но в разговорном и особенно в областном доселе держится крепко: *Петр-уш-а, пер-уш-к-о*» [2, с. 134].

Чем богаче семантика лексико-грамматических разрядов имен, тем пространнее анализ их вариантов и значений у Буслаева. Так, степеням сравнения прилагательных посвящено семь страниц в главе 2 [2, с. 143–148], при этом анализируется не только семантика с учетом вариативности, но и оценивается динамика и степень употребительности разных грам-

матических форм в разных сферах: церковнославянское, книжное, разговорное, областное.

Не требует доказательств лексикологическая направленность подраздела «А. Выражение представления и понятия в отдельном слове» раздела «II. Значение частей речи», где речь идет о синонимах и тропах [2, с. 291–316].

Здесь анализу слов отдельных тематических групп: названия животных, растений, ископаемых, оружия, времен года и др. посвящены целые страницы примечаний (все исторические справки Федор Иванович оформлял как примечания к основному тексту).

Вслед за «Опытом исторической грамматики...» Ф.И. Буслаев выпустил «Историческую хрестоматию», где впервые в таком объеме подробно представил и прокомментировал в том числе лексические особенности древних текстов разных жанров и речевые детали деловых, бытовых памятников и даже современных ему диалектов (см. подробнее об этом [11, с. 82–88]). Палитра исторических полотен и словесных миниатюр в изображении Ф.И. Буслаева настолько широка и неожиданна, что позволяла каждому исследователю, читателю, ученику открыть новое пространство в духовной жизни *слова*: от божественного до фольклорного, от дипломатического до публицистического, что впоследствии нашло применение и в трудах ученых XX века (см., например, [8]).

Академик Ф.И. Буслаев не стремился застолбить свои открытия, не догадывался, например, что ему принадлежит честь быть одним из первооткрывателей когнитивной лингвистики, хотя это легко сейчас доказывается, несмотря на отсутствие соответствующей терминологии в его работах [10]. Можно согласиться и с другим высказыванием современного исследователя творчества Ф.И. Буслаева О.В. Никитина в том, что «Буслаев перелагал традиционный смысл букв�едства в сторону художественности восприятия слова как откровения, а философию знака – в символ, и в этом своем очередном прозрении раскачивал неповоротливый колосс современников в сторону антропологической лингвистики...» [12, с. 51]. Значит, и здесь им двигало желание выйти за пределы традиции своего времени, увидеть в слове многомерность символики, соединить исторические связи языка с культурными традициями разных эпох, проникнуть в семиологию и даже в психологию его реальной жизни (см., например, его письма внучке [7]).

Уже ученые конца XIX века осознали, что наследие Ф.И. Буслаева представляет собой цветник плодотворных идей и решений, которые обязательно будут восприняты потомками и дадут толчок глубинному филологическому осмыслению текста – культуры – языка и поднимут интерес соотечественников к слову как лексикологической единице – совокупности смыслов. В сборнике «Памяти Федора Ивановича Буслаева» К. Войнаховский так определил значение его деятельности: «Благотворное влияние трудов первого историка нашего языка простирается гораздо шире и глубже, чем оно может казаться с первого взгляда. Он распространил *правильные* (курсив наш. – Г.С.) взгляды на язык и его свойства, преподавание получило более научное и целесообразное направле-

ние, и русскому человеку дана возможность быть грамотным на своем родном языке» [4, с. 115].

Думается, настало время для более внимательно, с учетом современного уровня науки, прочтения и лексикологических заметок Ф.И. Буслаева не только в «Исторической грамматике», но и в магистерской диссертации «О влиянии христианства на славянский язык» (1848 г.), которая в основном построена на лексическом материале, а также в рецензиях на «Опыт областного великорусского словаря» (1852 г.) и другие лексикографические источники, в статьях диалектологического, исторического и методического содержания. Как специалист по риторике и стилистике русского языка Ф.И. Буслаев не мог обойтись без лексико-семантического анализа. При этом, как выясняется, он часто опережал свое время, когда русская лексикология только еще зарождалась.

Литература

1. Булахов, М.Г. Восточнославянские языковеды (библиогр. словарь) / М.Г. Булахов. – Минск: Изд-во БГУ, 1976. – Т. 1. – 320 с.
2. Буслаев, Ф.И. Историческая грамматика русского языка / Ф.И. Буслаев. – Москва: Гос. уч.-пед. изд-во, 1959. – 624 с.
3. Виноградов, В.В. Слово и значение как предмет историко-лексикологического исследования / В.В. Виноградов // Виноградов В.В. История слов. – Москва, 1999. – С. 5–38.
4. Войнаховский, К. Значение трудов академика Ф.И. Буслаева в истории науки о русском языке / К. Войнаховский // Памяти Федора Ивановича Буслаева / Издание Учебного отдела Общества распространения технических знаний. – Москва: Тип. Т-ва И. Д. Сытина, 1989. – С. 61–116.
5. Дерягин, В.Я. Проблема семантического тождества слова в исторической лексикологии / В.Я. Дерягин // Русский язык. Языковые значения в функциональном и эстетическом аспектах. – Москва: Наука, 1988. – С. 47–61.
6. Лексикон российской исторической, географической, политической и гражданской, сочиненный господином тайным советником и астраханским губернатором Василием Никитичем Татищевым. – Санкт-Петербург: Тип. Горного училища, 1793.
7. Никитин, О.В. «И мы, старики, тоже учимся...». Письма Федора Ивановича Буслаева внучке / О.В. Никитин // Литература в школе: Научно-методический журнал. – 1998. – № 1. – С. 55–64.
8. Никитин, О.В. Деловой язык русской дипломатии XVI–XVII вв. (формальные и стилиобразующие средства) / О.В. Никитин // Филологические науки: Научные доклады высшей школы. – 2005. – № 1. – С. 81–89.
9. Никитин, О.В. Василий Никитич Татищев – русский просветитель XVIII в. / О.В. Никитин // Русский язык в школе. – 2010. – № 7. – С. 86–93.
10. Никитин, О.В. «Филология духа». Федор Иванович Буслаев как языковая личность / О.В. Никитин // Русский язык в школе. – 2018. – № 5. – С. 79–86.
11. Никитин, О.В. «Историческая хрестоматия церковно-славянского и древнерусского языков» Ф.И. Буслаева как памятник филологической культуры XIX века / О.В. Никитин // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. – 2018. – № 4 (173). – С. 82–88.
12. Никитин, О.В. Федор Иванович Буслаев и язык Отечества (К 200-летию со дня рождения) / О.В. Никитин // Русская речь. – 2018. – № 3. – С. 48–56.
13. Русский язык: Энциклопедия / гл. ред. Ю.Н. Караулов. – 2 изд., перераб. и доп. – Москва: БРЭ, Дрофа, 1997. – 713 с.
14. Славяноведение в дореволюционной России: Библиографический словарь. – Москва: Наука, 1979. – 410 с.
15. Смирнов, С.В. Ф.И. Буслаев / С.В. Смирнов. – Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1978. – 96 с.
16. Шахматов, А.А. Буслаев как основатель исторического изучения русского языка / А.А. Шахматов // Четыре речи о Ф.И. Буслаеве, читанные в заседании Отдела Коменского 21-го января 1898 года... – Санкт-Петербург: Тип. Императорской Академии наук, 1898. – С. 7–16.

G.V. Sudakov

WHY IS F.I. BUSLAEV NOT A LEXICOLOGIST?

The article considers the approach to a word developed by academician F.I. Buslaev. The author evaluates the scientist's works on lexical stylistics, historical lexicology and etymology. The author also shows the relationship of syntax, morphology and vocabulary in Buslaev's language theory, where the main place is given to a sentence, and a word is presented as an essential element of the sentence, and a meaning of the word depends on its place in the sentence and the context. The semantic rules of word development that were first discovered by the scientist and continued in the works of his followers are described.

Language theory, language levels, multidimensional word analysis, semantic structure of the word, vocabulary as a system.